

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А.И. Бриллиантов

Речь

**в торжественном заседании
С.-Петербургской Духовной
Академии по случаю открытия бюста
профессора Василия Васильевича
Болотова**

Опубликовано:

Христианское чтение. 1912. № 3. С. 350-359.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБДА
Санкт-Петербург
2009

Рѣчь въ торжественномъ засѣданіи С.-Петербургской
Духовной Академіи по случаю открытія бюста † про-
фессора Василя Васильевича Болотова ¹⁾).

ВОЗДАВАЯ выдающимся почившимъ дѣятелямъ особую
честь увѣковѣченіемъ ихъ видимаго образа, почитатели
ихъ и то учрежденіе, въ которомъ проходила ихъ дѣ-
ятельность, хотятъ выразить этимъ признательность имъ
за ихъ заслуги въ прошедшемъ и вмѣстѣ указать на
особое значеніе памяти о нихъ для будущаго. Видимый образъ
ихъ увѣковѣчивается какъ напоминаніе объ ихъ духовномъ
образѣ. Шедшіе въ свое время, по общему признанію, впереди
другихъ въ своей дѣятельности, возвыщавшіеся въ своемъ
служеніи общему дѣлу надъ обычнымъ уровнемъ, они съ
своими идеалами и стремленіями, съ нагляднымъ примѣромъ
всей своей дѣятельности, естественно, болѣе или менѣе сохра-
няютъ руководящее значеніе и для послѣдующаго времени.
Память о нихъ имѣетъ значеніе не только лишь воспоминанія
о славномъ моментѣ въ прошедшей исторіи учрежденія, ко-
торому они посвятили свои силы, но и указанія на идеалы и
задачи будущаго, поскольку они именно наиболѣе полно и
совершенно въ свое время выразили и осуществили ихъ. По-
этому и признается она въ особенностяхъ достойною увѣко-
вѣченія.

Уже ранѣе почтена была въ петербургской Академіи устрой-
ствомъ бюста память ея профессора В. Н. Карпова († 1867) ²⁾.

¹⁾ 29 января 1912 года.

²⁾ О В. Н. Карповѣ ср. некрологъ и рѣчи при погребеніи въ „Христ.
Чтеніи“, 1868. № 2. А. Высокоостровскій, „Характеръ философ-

Теперь къ образу академическаго философа въ этомъ залѣ присоединяется еще образъ историка. Духовная школа всегда давала въ своихъ стѣнахъ почетное мѣсто философіи, исходя изъ убѣжденія, что сверхъестественное откровеніе, предметъ богословія, не только не устраниваетъ самодѣятельности человѣческой мысли, но, напротивъ, требуетъ для его надлежащаго и глубокаго усвоенія высшаго ея напряженія. Академическая философія имѣла немаловажное значеніе и въ общемъ развитіи философской мысли въ Россіи. Въ лицѣ В. Н. Карпова Академія почтила виднаго дѣятеля на этомъ поприщѣ, философа, для котораго философствованіе было дѣломъ всей его жизни и выраженіемъ одушевлявшихъ его религіозно-нравственныхъ стремленій, который, требуя вообще связи философіи съ жизнію, выступалъ, между прочимъ, съ мыслию о необходимости самобытной русской философіи, не въ смыслѣ, конечно, игнорированія русскими мыслителями имѣющихся уже опытовъ чужого философствованія, но въ смыслѣ требованія отъ философа вполне сознательнаго отношенія къ факту ближайшей связи всякаго мыслителя съ непосредственно окружающею его дѣйствительностію и въ смыслѣ необходимости соотвѣтствія философскихъ построеній русскихъ философовъ исторически опредѣлившимся и ясно сознаннымъ закономѣрнымъ стремленіямъ и особенностямъ русскаго духа. Находя самъ наибольшее удовлетвореніе для себя изъ философскихъ системъ древняго времени въ философіи Платона, онъ поставилъ задачею для себя сдѣлать ее болѣе извѣстною въ Россіи чрезъ переводъ твореній этого философа на русскій языкъ, и это дѣло было, можно сказать, главнымъ подвигомъ его ученой жизни. Если принять во вниманіе то, какое значеніе имѣетъ и всегда будетъ имѣть вопросъ о «платонизмѣ» отцовъ для исторіи хри-

скихъ воззрѣній проф. В. Н. Карпова“, въ „Церк. Вѣстникъ“ 1892, № 49; „Покойный Карповъ, какъ почитатель Сократо-Платоновой философіи“ въ „Христ. Чтеніи“, 1893, I. „Памяти русскаго философа В. Н. Карпова“ (рѣчи по случаю столѣтія со дня рожденія), въ „Христ. Чтеніи“, 1898, I, май. А. Никольскій, „Русская духовно-академическая философія, какъ предшественница славянофильства и университетской философіи въ Россіи“, въ „Вѣрѣ и Разумѣ“, 1907, № 5. Ср. статью А. Попова о Карповѣ въ „Правосл. богосл. энциклопедіи“, т. IX. (Спб. 1908), 30—34. Бюстъ В. Н. Карпова, находящійся въ актовомъ залѣ Академіи, устроенъ былъ вскорѣ послѣ его смерти на собраньяхъ его почитателями, сослуживцами и бывшими слушателями средства.

стіанскаго богословія, и именно, въ особенности, восточнаго, слѣдуетъ признать обращеніе русскаго мыслителя къ Платону и переводъ его твореній на русскій языкъ не безразличными и для русской богословской науки. Къ Платону обратился, какъ извѣстно, въ послѣдніе годы своей жизни и занялся его переводомъ и другой русскій философъ, В. С. Соловьевъ, хотя этотъ новый переводъ остановился въ самомъ началѣ и уже поэтому трудъ В. Н. Карпова продолжаетъ сохранять свое значеніе и донынь.

Но каково бы ни было вообще значеніе философіи для богословія, разовьется ли въ скоромъ времени такъ или иначе самобытная русская философія, которая содѣйствовала бы болѣе глубокому постиженію христіанскаго откровенія и развитію у насъ спекулятивнаго богословія, во всякомъ случаѣ, успѣховъ и самой философіи и всякихъ умозрительныхъ попытокъ съ серьезнымъ значеніемъ въ области богословія можно ожидать лишь въ связи съ успѣхами въ другихъ областяхъ знанія, именно—въ сферѣ наукъ положительнаго характера, имѣющихъ дѣло непосредственно съ конкретною дѣйствительностью. Сюда относится исторія. Пытаться проникнуть во внутренній смыслъ фактовъ, дѣлать изъ нихъ тѣ или иные выводы, можно лишь тогда, когда самые факты установлены. При этомъ знаніе историческаго развитія самой мысли въ прошломъ необходимо для сознательнаго движенія ея къ успѣхамъ въ будущемъ. И христіанство, имѣя сверхъестественное происхожденіе, явилось въ мірѣ какъ фактъ исторіи; фактъ, а не идея лишь, есть уже самое воплощеніе Бога Слова, полагающее начало новой религіи. Имѣетъ за собою длинную исторію и христіанское богословіе. Отсюда необходимость прежде всякой спекуляціи историческаго изученія христіанства.

Въ Россіи историческая наука, какъ и другія науки, какъ и философія, имѣетъ сравнительно лишь недавнее существованіе. Между тѣмъ на западѣ, и вообще прошлое человечества, и исторія христіанской церкви были уже предметомъ продолжительной и усиленной разработки. Очевидно, для представителей русской науки принять активное участіе въ работѣ надъ тѣмъ, что имѣетъ для нихъ общій интересъ съ наукою западной, можно не иначе, какъ возвысившись до уровня послѣдней, усвоивъ всѣ цѣнныя ея пріобрѣтенія и наиболее совершенные методы изслѣдованія. Но сразу и въ цѣломъ это

обычно и въ другихъ областяхъ знанія не достигается, и естественно, что первыя стадіи развитія науки при подобныхъ условіяхъ могутъ сводиться въ общемъ только къ усвоенію уже готовыхъ результатовъ. Русскіе историки самостоятельными болѣе или менѣе съ самаго начала могли быть лишь въ предѣлахъ изученія своей русской исторіи (хотя нельзя не вспомнить и въ этомъ случаѣ, напр., участія въ дѣлѣ нѣмца Шлецера). Что касается вообще церковной исторіи, то самая постановка ея въ академіяхъ, призванныхъ къ ея разработкѣ, въ первое время не содѣйствовала развитію ея до равенства съ западною наукою. «Церковная исторія» въ академическомъ преподаваніи первоначально объединяла въ себѣ до пяти особыхъ каедръ, явившихся послѣ. Въ нее входила и библейская исторія — ветхозавѣтная и новозавѣтная, съ исторіей древней церкви въ ней соединялась и новая церковная исторія востока и запада, въ нее включалась и исторія русской церкви. Имѣлось и готовое руководство для преподаванія—«Начертаніе церковной исторіи» (1817—1818), составленное Иннокентіемъ (Смирновымъ) главнымъ образомъ (помимо исторіи русской церкви) по Вейссманну и Шпангейму, наряду съ подобнымъ же, составленнымъ Филаретомъ по Буддеу, «Начертаніемъ» (1816) для библейской исторіи. При обязанности заниматься вмѣстѣ съ общей церковной исторіей и русской исторіей, послѣдней, какъ требовавшей прежде всего отъ русскихъ ученыхъ разработки, и была посвящена, напр., большая часть изслѣдованій такого виднаго историка, какъ прот. А. В. Горскій, хотя онъ могъ съ успѣхомъ работать и въ другихъ областяхъ своей науки. Лишь начиная съ 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія постепенно вводится здѣсь спеціализація: исторія русской церкви передается преподавателю русской гражданской исторіи (1851), новая церковная исторія выдѣляется въ особый предметъ (1857), отдѣляется, наконецъ, отъ древней церковной исторіи библейская (1869). Но и теперь, пока еще только вводилась эта спеціализація, общая церковная исторія въ преподаваніи, напр., И. В. Чельцова (1851—1878), какъ и у выступившаго раньше его А. В. Горскаго (1833—1864, † 1875), отражала въ цѣломъ въ весьма сильной степени вліяніе западной науки—Неандера. Правда, появляются теперь весьма цѣнныя монографіи по отдѣльнымъ вопросамъ, исторія византійской церкви дѣлается предметомъ самостоятельнаго и глубокаго изученія И. Е. Троицкаго. Но

и о трудѣ виднаго представителя общей церковной исторіи въ Россіи можно еще было слышать отзывъ западнаго ученаго, что западные чему-либо «новому изъ книги его не научатся» (Гарнакъ о сочиненіи А. П. Лебедева «Вселенскіе соборы IV и V вѣка». М. 1879).

Значеніе В. В. Болотова ¹⁾ въ исторіи развитія русской церковно-исторической науки и заключается въ томъ, что онъ возвелъ ее въ своемъ лицѣ на тотъ высшій уровень, какой вообще возможенъ и для западныхъ историковъ, выступилъ представителемъ ея, равнымъ по компетентности лучшимъ западнымъ ученымъ, и именно—не въ отношеніи лишь къ какому-либо одному ограниченному отдѣлу своей науки, или специальному вопросу, мало изслѣдованному другими и бывшему предметомъ его собственнаго продолжительнаго изученія, но въ отношеніи ко всей широкой области исторіи древней церкви, которою онъ занимался.

Если историковъ высшаго ранга характеризуетъ вмѣстѣ и строгая научность изслѣдованія, и граничащая съ художественнымъ дарованіемъ способность нагляднаго изображенія прошедшей жизни, то В. В. Болотову въ высшей мѣрѣ было свойственно то и другое. Какъ историкъ повѣствователь, онъ объединялъ въ себѣ болѣе или менѣе черты обоихъ своихъ учителей, И. Е. Троицкаго и И. В. Чельцова, ясность и стройность въ общей концепціи разсказа и наглядность въ представленіи конкретныхъ фактовъ. Но въ роли повѣствователя, съ цѣльнымъ послѣдовательнымъ изложеніемъ исторіи, онъ выступалъ лишь въ аудиторіи, и судить о немъ съ этой стороны можно почти только лишь по его академическимъ лекціямъ. Самъ онъ поставилъ для себя задачу уже съ начала

¹⁾ О В. В. Болотовѣ ср. въ особености: „Вѣнокъ на могилу въ Бозѣ почившаго ординарнаго проф. Спб. Дух. Академіи, доктора церковной исторіи, В. В. Болотова. Спб. 1900“ („Церк. Вѣстникъ“, 1900, № 16). Б. Т у р а е в ъ, некрологъ въ „Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія“, 1900, октябрь, 81—101. М. Р у б ц о в ъ, „В. В. Болотовъ. (Биографическій очеркъ)“. Тверь 1900. А. Б р и л л и а н т о в ъ, „Къ характеристикѣ ученой дѣятельности проф. В. В. Болотова, какъ церковнаго историка“, въ „Христ. Читаніи“ 1901, I, апрѣль, 467—497 (и отдѣльно). И. У б е р с к і й, „Памяти проф. В. В. Болотова“, въ „Христ. Читаніи“, 1903, I, іюнь, 821—849, II, іюль 3—26, сентябрь, 265—277, октябрь, 399—406 (и отдѣльно). А. Б р и л л и а н т о в ъ, „Проф. В. В. Болотовъ. Биографическій очеркъ“, въ „Христ. Читаніи“ 1910, I, апрѣль, 421—442, май—іюнь, 563—590, іюль—августъ, 830—854 (и отдѣльно).

своей дѣятельности выступать всегда въ печати лишь въ качествѣ изслѣдователя, дающаго всегда или нѣчто новое, или поправки къ старому, и съ этого пути потомъ уже не уклонялся, по собственному его позднѣйшему заявленію (1897). Отсюда объясняется крайне специальный характеръ его ученыхъ трудовъ, гдѣ добытое прежними учеными предполагается извѣстнымъ для читателей и обосновываются лишь новые тезисы.

Очевидно, чтобы поставить такую задачу и послѣдовательно выполнять ее, нужно было въ совершенствѣ обладать всѣми необходимыми для того средствами. Мы въ дѣйствительности и видимъ въ немъ, прежде всего, феноменальное, можно сказать, по своей исключительности объединеніе направленныхъ на служеніе одной цѣли знаній изъ самыхъ разнообразныхъ областей. Духовная школа дала ему богословское и частію философское образованіе; особенное значеніе затѣмъ имѣли для него въ этомъ отношеніи занятія первымъ ученымъ трудомъ—диссертацией объ ученіи Оригена о св. Троицѣ. Но къ данному школой образованію онъ самъ присоединилъ еще то, чему эта школа научала лишь въ очень недостаточной степени,—прежде всего, широкія и поставленные на твердую научную почву лингвистическія познанія. Признавъ долгомъ для себя имѣть доступъ ко всѣмъ первоисточникамъ исторіи древней церкви, помимо знанія языковъ классическихъ и еврейскаго, онъ изучилъ еще рядъ восточныхъ языковъ: эіопскій, коптскій, сирійскій, армянскій, арабскій. Не составляли для него препятствія при ознакомленіи съ пособиями и новыя языки; кромѣ общеизвѣстныхъ — нѣмецкаго, французскаго, англійскаго и итальянскаго, онъ читалъ, напр., на датско-норвежскомъ, голландскомъ, португальскомъ. При этомъ общія лингвистическія знанія его далеко не ограничивались только этими языками. Будучи богословомъ и филологомъ, онъ былъ, далѣе, и математикомъ, обнаруживъ замѣчательную для богослова и лингвиста способность и склонность къ математическимъ исчисленіямъ и выступивъ несравненнымъ специалистомъ въ области хронологіи и пасхалии.

При столь разнообразныхъ знаніяхъ, для него одинаково доступны были всѣ стороны и области его предмета: и догматическіе споры отвлеченно-философскаго характера, и специальные вопросы хронологіи и исторической географіи,—и греко-латинское христіанство, и разныя національныя восточныя церкви съ ихъ особымъ складомъ жизни и особыми литера-

турами. Восточныя христіанскія общины, между прочимъ, особенно привлекали его вниманіе не только потому, что въ этой области изслѣдователь болѣе всего можетъ ожидать новыхъ результатовъ, но и въ виду важности ихъ изученія съ православно-восточной точки зрѣнія, при ихъ особой близости въ историческомъ отношеніи къ греко-восточной церкви. Но при своихъ знаніяхъ и своемъ методѣ онъ могъ приходить къ новымъ результатамъ и тогда, когда обращался и ко всякому менѣ благодарному матеріалу и касался вопросовъ изъ общедоступной по источникамъ области греко-латинскаго христіанства.

Къ желаемой цѣли разностороннія знанія могли приводить лишь подъ условіемъ строго научнаго метода, поскольку и пріобрѣтаемы они были именно какъ орудіе изслѣдованія. Строгости научныхъ требованій В. В. Болотовъ могъ научиться прежде всего отъ своихъ академическихъ учителей, И. Е. Троицкаго и И. В. Чельцова, высоко всегда ставившихъ идеаль научно-объективнаго историческаго знанія. Потомъ, при дальнѣйшемъ самостоятельномъ развитіи, онъ избралъ образцами для себя въ ученой работѣ германскихъ ученыхъ, Павла де-Лагарда, ориенталиста съ широкими общими воззрѣніями, безпощаднаго обличителя всякой ненаучности, и Альфреда фонъ-Гутшмида, величайшаго, можетъ быть, въ XIX вѣкѣ представителя исторической критики и знатока хронологіи ¹⁾). Поскольку В. В. Болотовъ слѣдовалъ этимъ примѣрамъ, у него, какъ замѣчаетъ проф. Б. А. Тураевъ въ его некрологѣ, о какихъ-либо методическихъ недочетахъ и промахахъ не могло быть и рѣчи. Для русской церковно-исторической науки онъ, поэтому, какъ оцѣниваетъ его значеніе и нѣмецкій ученый, проф. Н. Бонвечъ, самъ сдѣлался образцомъ и учителемъ критическаго метода, его значеніе опредѣляется не полученными лишь имъ результатами, но имѣетъ основаніе въ его строго научномъ стремленіи къ дѣйствительно плодотворному изслѣдованію и въ его методѣ ²⁾).

¹⁾ Ср. K. J. Neumann, *Entwicklung und Aufgaben der alten Geschichte*. Strassburg 1910. S. 75.

²⁾ N. Bonwetsch, „Ein gelehrter russischer Theologe“, въ „Neue Kirchliche Zeitschrift“, XVIII, 1909, 7. Heft. S. 536—547. S. 540: „Man - versteht, wie seine Akademie stolz auf ihn war als auf einen Meister kritischer Methode“. Не безынтересно привести in extenso] дѣлаемую здѣсь нѣмецкимъ ученымъ оцѣнку значенія В. В. Болотова, съ его специальнѣй-

Въ общемъ, было бы трудно (какъ соглашается съ этимъ и упомянутый нѣмецкій ученый, имѣя въ виду при этомъ одни лишь филологическія знанія его) ¹⁾ указать и на западѣ, богатомъ всякаго рода выдающимися учеными дѣятелями, церковнаго историка, который совмѣщаль бы въ себѣ компетентность и богослова, и философа, и математика-спеціалиста хронологіи, въ той степени, какъ В. В. Болотовъ, соединяя съ своими энциклопедическими знаніями въ то же время и строго научный методъ. Отъ де-Лагарда и фонъ-Гутшмида, бывшихъ чрезъ свои сочиненія учителями его, равно и отъ современныхъ извѣстныхъ представителей исторической и филологической учености, Эдуарда Швартна и Эдуарда Мейера, съ которыми, какъ съ высоко компетентными спеціалистами одинаково въ области и филологіи и хронологіи, можно бы сближать его, отличаетъ его именно то, что онъ былъ еще богословомъ по образованію, и какъ церковный историкъ по профессіи, направлялъ всѣ свои дарованія и знанія на служеніе церковно-исторической наукѣ, хотя и первымъ тремъ изъ названныхъ нѣмецкихъ ученыхъ эта наука весьма немало обязана.

Опредѣляя въ своихъ лекціяхъ отношеніе къ церковной исторіи богослововъ православнаго, протестантскаго и католи-

шими детальными изслѣдованіями, съ точки зрѣнія западной германской науки. S. 546: „Zur peinlichen Sorgfalt in der Untersuchung des einzelnen angeleitet zu werden, das war es, was man an der Stätte der Wirksamkeit Bolotows am meisten bedurfte. Seine Bedeutung beruhte daher auch nicht auf den Ergebnissen, zu denen er in den einzelnen Fragen gelangt ist, sondern auf dem streng wissenschaftlichen auf eine wirkliche Weiterführung der Forschung gerichteten Streben, das ihn erfüllte, und auf der Methode, die er in der Petersburger Geistlichen Akademie heimisch zu machen wusste. Gleich unseren westlichen Nachbarn (=французы) haben auch die Russen in der Regel die Gabe, wissenschaftliche Untersuchungen in einer Weise zu führen, die dem Verständnis jedes Gebildeten entspricht; die Kehrseite und der Fehler fast aller russischen Darstellungen ist dann eine zu grosse Breite, öfters auch ein Sichverlieren in allgemeine Erörterungen. Bolotow ist hiervon völlig frei. So wenig schulmässig seine Ausdrucksweise ist, so präcis ist er doch in der Durchführung seiner Aufgaben. Im Gegensatz zu jedem Probabilismus geht er stets auf die ersten Quellen zurück und schöpft aus ihnen mit peinlichen Genauigkeit. Daher die Erziehung zur wissenschaftlichen Arbeit, die durch ihn erfolgt ist und die ihm ein so lebendiges Gedächtniss gesichert hat“. Подчеркиваетъ нѣкоторыя выраженія въ данномъ случаѣ самъ нѣмецкій авторъ.

¹⁾ N. Bonwetsch, l. c. S. 537: „Kein anderer Kirchenhistoriker hat ihn meines Wissens darin erreicht“.

ческаго, В. В. Болотовъ указываетъ какъ на отличительную черту истиннаго каеолика—православнаго, въ противоположность протестантскому самодовольству личнымъ мнѣніемъ и католическому подчиненію мнѣнію папы, на внимательное отношеніе ко всякимъ чужимъ мнѣніямъ, сопровождаемое тщательной провѣркой и своего и этихъ мнѣній, безъ увѣренности въ собственной непогрѣшимости и безъ слѣпого довѣрія внѣшнему авторитету ¹⁾). Очевидно, этимъ именно принципомъ долженъ руководиться православный богословъ, имѣя дѣло и съ результатами западной науки. Обязанный считаться съ тѣмъ, что уже сдѣлано долговременною работою запада, онъ однако только съ провѣркой можетъ принимать эти результаты. Но самостоятельное въ этомъ смыслѣ отношеніе православнаго богослова къ западной наукѣ и тѣмъ болѣе активное участіе въ той работѣ, которая давно ведется на западѣ, возможны лишь при вооруженіи всѣми нужными для того средствами. Что именно необходимо въ данномъ случаѣ, указываетъ примѣромъ всей своей ученой дѣятельности В. В. Болотовъ. Если самъ онъ въ цѣломъ, съ своими дарованіями, долженъ быть признанъ исключительнымъ до неподражаемости явленіемъ, онъ намѣчаетъ, во всякомъ случаѣ, единственно возможный путь къ плодотворному развитію русской не только церковно-исторической, но и вообще богословской науки,—въ привлеченіи на служеніе цѣлямъ этой науки всего, что могутъ дать другія отрасли знанія, и именно—свѣтскія науки, и въ примѣненіи строго научнаго метода изслѣдованія.

Итакъ, если завѣтъ духовной школѣ и богословской наукѣ почтеннаго уже ранѣе за свои заслуги представителя академической философіи можно видѣть, съ точки зрѣнія задачъ этой школы и этой науки, въ призывѣ къ философскому постиженію религіозной христіанской истины путемъ спекуляціи въ духѣ наиболѣе соотвѣтствующихъ этой цѣли опытовъ философствованія прежняго времени, то чувствуемый нынѣ, еще болѣе славный въ своей области, представитель исторической науки выступаетъ съ призывомъ къ строго научному изученію этой истины прежде всего въ ея историческомъ проявленіи, указывая и необходимыя для того средства. Безъ этого изученія, при игнорированіи историческаго прошлаго церкви и

¹⁾ В. В. Болотовъ, Лекціи по исторіи древней церкви. I. Сиб. 1907. Стр. 30—38.

пройденнаго уже христіанскою мыслию въ прошломъ пути развитія, попытки философствовать по поводу данныхъ христіанскаго ученія могутъ и нынѣ приводить къ гносису лишь лжеименному и къ разнымъ уклоненіямъ отъ подлинной христіанской истины. Умозрѣніе и положительная наука, философія и исторія должны въ этомъ случаѣ взаимно дополнять другъ друга въ общей системѣ направленныхъ къ постиженію единой истины наукъ.

Академическій философъ, В. Н. Карповъ, выступая съ мыслью о самобытной русской философіи, предполагалъ, между прочимъ, полное соотвѣтствіе этой философіи вѣрѣ въ религіозную христіанскую истину, именно, какъ она нашла историческое выраженіе въ формѣ восточнаго православія. В. В. Болотовъ, изслѣдователь исторіи христіанства, исходилъ въ своей ученой дѣятельности изъ того убѣжденія, что вполне свободное и строго научное изслѣдованіе исторической стороны христіанства должно приводить лишь къ подтвержденію этой истины. Это совмѣщеніе религіозной вѣры и научнаго свободнаго знанія, въ полномъ ихъ развитіи и совершенной гармоніи, можно признать высшею характеристикою для призваннаго служить такъ или иначе богословской наукѣ и ея цѣлямъ дѣятеля. И въ этомъ можно усматривать высшій и самый общій завѣтъ, о которомъ долженъ напоминать образъ того и другого почившаго дѣятеля всѣмъ послѣдующимъ дѣятелямъ на томъ же поприщѣ.

А. Бриллиантовъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки